

**«ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
АНТРОПНИМИКОНА В. АСТАФЬЕВА**

Гончаров Пётр Андреевич

доктор филологических наук, Мичуринский государственный аграрный университет, РФ, г. Мичуринск

Гончаров Павел Петрович

кандидат филологических наук, Мичуринский государственный аграрный университет, РФ, г. Мичуринск

"Good girl Lida": some features of anthroponymical of V. Astaf`ev

Goncharov Peter

Doctor of philological Sciences, Michurinsk state agrarian University, Russia, Michurinsk

Goncharov Paul

Candidate of philological Sciences, Michurinsk state agrarian University, Russia, Michurinsk

Аннотация: В статье исследуются имена женских персонажей произведений В. Астафьева, их связь с художественным миром писателя и его биографией. Особое внимание обращено на ключевое для биографии писателя и его творчества имя Лидия (Лида).

Abstract: this article examines the names of the female characters in the works of V. Astaf`ev, their connection with the artistic world of the writer and his biography. Special attention is paid to the key for the biography of the writer and his work the name Lydia (Lida).

Ключевые слова: антропонимия; биография писателя; художественный мир; трансформация.

Keywords: anthroponymy; biography; art world; transformation.

Имя персонажа никогда не было случайной или малозначимой деталью литературного произведения. Однако однозначная семантика и функция имени героя свойственны по большей части для классицистских литературных произведений. Вральман и Скотинин, вместе с Простаковой и Софьей – имена, характеризующие главные человеческие качества этих персонажей, а в истории литературы и отечественной культуры – эмблемы соответствующих литературно-культурных архетипов.

В позднейших литературных системах имя зачастую перестает выполнять роль легко

узнаваемой маски, а его связь с характером, с авторскими привязанностями и антипатиями приобретает свойства сложной корреляции, а не прямой зависимости. Петр Андреевич Гринев, безусловно, заключает в себе (как герой пушкинской повести) твердость характера и мужественность поведения, перекликающиеся с древнегреческой семантикой, дальнейшим бытованием и даже звуковым составом (**тр, др, гр**) этого имени. Но эта связь сложная, противоречивая, неоднозначная, а мысль об этой связи прозаиком не навязывается открыто назидательно, как в случае с мольеровскими Тартюфом и Мизантропом, новиковскими Трутнем и Правдулюбовым, фонвизинскими Стародумом и Правдиным.

П. Флоренский отмечал в именах «что-то ускользающее от рационалистического анализа. Самый пристальный дневной взгляд не рассеивает имени» [10, с. 384]. В связи с человеческими именами (и именами в литературе – тоже) П. Флоренский утверждал: «Как сложные радикалы в химии, имена служат ядром личности и самой сути ее; но как эти радикалы, они не могут быть извлечены из сложного состава личности и показаны сами по себе» [10, с. 396].

Основы исследований литературных имен (антропонимов, поэтонимов) в российской (советской) филологии заложены в работах В.В. Виноградова, касающихся стилистики художественных произведений. Вопросам функционирования имен собственных в структуре художественного текста, их связям с идеостилем произведения посвящены фундаментальные исследования отечественных филологов – В. Н. Михайлова, Ю. А. Карпенко, В. А. Кухаренко, О. И. Фоняковой, Г. Ф. Ковалева и др.

В последние годы появились и исследования антропонимики произведений В. Астафьева. Среди них обращают на себя внимания исследования Л. И. Зубковой, О. В. Шевериновой, И. М. Петрачковой и других ученых. Но хотя многие из них акцентируют междисциплинарный характер своих исследований, подавляющее большинство из них (исключение составляет работа И.М. Петрачковой) подходят к текстам литературных произведений как объекту для лингвистических наблюдений и обобщений. Между тем, имя персонажа – немаловажная, часто – значительная, а в ряде случаев – доминирующая деталь литературного героя, образа, а через него и всего художественного произведения. Интересно часто цитируемое суждение на эту тему Ю.Н. Тынянова: «В художественном произведении нет неговорящих имен... Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [9, с.27].

Первой повестью, опубликованной В. Астафьевым в столичном журнале, стала повесть «Звездопад» (1960). Его главные герои сибиряк Мишка Ерофеев и госпитальная «сестричка» Лида, их вспыхнувшая ярко и обреченная на скорое угасание любовь – не могли не обратить на себя внимания читателей и критики. Можно предположить, что значительное влияние на астафьевский выбор имени в «Звездопаде» оказало популярное в конце 1950-х годов стихотворение уважаемого прозаиком известного поэта Я. Смелякова. Его знаменитое стихотворение было на слуху не только у поколения В. Астафьева. Детали его южного пейзажа (чем не Кубань?) вполне соотносятся с обстановкой госпитальной повести писателя:

Вдоль маленьких домиков белых

Акация душно цветет.

Хорошая девочка *Лида*

На улице *Южной* живет

А одно из его четверостиший окажется едва ли не предварением замысла астафьевского «Звездопада»:

Он в небо залезет ночное,

Все пальцы себе обожжет,

Но вскоре над тихой Землею

Созвездие Лиды взойдет. [8, с. 166 - 168]

Внимание и уважение к этому большому поэту Астафьев демонстрирует и в своих эссе, и в виде включения стихов поэта в качестве эпиграфа к главам «Пастуха и пастушки». Так, перед главой «Свидание» в повести идет эпиграф из Я. Смелякова «И ты пришла, заслышав ожиданье...».

Литературные и не только литературные «поветрия» оказались значимыми для писателя в тот и в более поздние периоды творчества. Но в данном случае литературная «мода», может быть, совершенно неожиданно совпала с чувствительными деталями биографии писателя, мира художника. Засиявшее у Я. Смелякова имя стало поэтому «исходным», отправным именем и в прозе В. Астафьева.

В астафьевском антропонимиконе обращает на себя внимание «пристрастие» писателя к некоторым, лишь по видимости «случайным» для него именам. Если обратиться к именам его наиболее ярких женских персонажей, то картина будет выглядеть следующим образом:

Тася – «Тают снега», Лида – «Звездопад», Клавдия – «Стародуб», Зинка – «Кража», Люся – «Пастух и пастушка», Эля – «Царь-рыба», Лерка – «Печальный детектив», Люда – «Людочка», Нелька – «Прокляты и убиты», Люба, Изабелла, Лариса – «Обертон». Есть ли какая-либо связь между всеми этими литературными именами, есть ли связь между многообразием этих имен и миром писателя, конкретными реалиями его биографии?

В эпизоде детских воспоминаний Ильки Верстакова («Перевал») фигурирует его погибшая мать – Лизавета. При этом обстоятельства её гибели (утонула в реке) практически совпадают с эпизодом из биографии В. Астафьева. Так, в автобиографии писателя находим: «В 1931 году семью нашу постигла еще одна, всю нашу жизнь потрясая трагедия: плывя с передачей в Красноярск, мама моя, Лидия Ильинична, утонула прямо напротив деревни» [2, с. 5] Обстоятельства гибели матери Витьки Потылицына («Последний поклон») до деталей совпадают и с «Перевалом», и с астафьевской автобиографией.

В «Перевале» этот эпизод выглядит следующим образом: «Бабушка с перекошенным ртом, с растрепанными волосами упала к его ногам, ткнулась в колени, пытаясь что-то сказать, но вырвалось у неё только: – Ой! Ой! Лизавета-а! Лизавета-а-а! Касатушка-а-а! <...> Уже выловили мать из реки и привезли на подводе. А он все равно ждал. Какое ему дело до того темного, вздутого, что под навесом. Его даже показать Ильке боялись. Правда, он все же тайком заглянул через забор, но ни жалости, ни боли не испытал, а только страх» [1, т. 2, с. 37].

Напрашивается вывод: Лизавета – это переименованная, переосмысленная Лидия из автобиографических реалий мира писателя. Но переименование, сохранившее по меньшей мере три звука материнского имени: **л**, **и**, **а**. Если обратиться к приведенным выше именам из главных произведений писателя, то обращает на себя внимание, что практически все они (за исключением Таси и Зинки) сохраняют близкий к Лидии звуковой состав, а звук **л**, чаще в его мягком варианте, присутствует практически во всех именах симпатичных автору женских персонажей.

Память о матери писателя, реминисценции, связанные с этим именем, оживают, вероятно, и в имени главного героя «самой любимой» повести «Перевал» – его зовут именем деда Астафьева: Илька (Илья) Верстаков. Нанесенные В. Астафьеву судьбой душевные раны как бы сконцентрировались вокруг имени и судьбы матери, впитали, трансформировали и «тиражировали» это имя в ряде созвучных (прямо или в деталях) имен.

В «Последнем поклоне», как и в «Краже», как и в «Веселом солдате» (главные герои этих произведений в разной степени автобиографичны), сиротство главного героя ассоциируется с образом и именем погибшей матери. Рассказчик-повествователь в этих произведениях нарочито стремится слиться с автором. Стало быть, Лида, Лидия присутствует в этих произведениях в своём, так сказать, «неизменном» виде. Мир реалий, окружающих писателя,

в этих произведениях не подвергся видимой трансформации.

Об отце и матери Витька Потылицын, автобиографический герой «Последнего поклона», сообщает: «Восемнадцать лет его женили на Лидии Ильиничне Потылицыной, девушке доброй, домовитой, из большой семьи, которая держалась своим трудом на земле, жила землею, как говорила с гордостью бабушка моя Катерина Петровна». И здесь же: «При слове “Лидинька” у меня закипело в груди, слезы начали подниматься к глазам, и я хотел их, слезо, утешения какого-нибудь хотел...» [1, т. 4, с. 454].

Как уже было отмечено, Лида – это имя главной героини «Звездопада» – первой оригинальной военной повести Астафьева. «Это началось в городе Краснодаре, на Кубани, в госпитале» [1, т.2, с. 183]. Эпическая манера повести органично сочетается с её лиризмом, главный герой и автор-повествователь в повести сливаются в одно лирическое «я», придавая ей исповедальное звучание. Знакомство Лиды и «ранбольного» Ерофеева происходит в краснодарском госпитале в совершенно не подходящей для развития любовных чувств обстановке. Но родственные души «узнают» друг друга в самом начале знакомства.

«И мы заговорили шепотом. – Вы откуда? – Сибиряк я, красноярец. – А я здешняя, краснодарская. Видите, как совпало: Краснодар – Красноярск. – Ага, совпало, – потрянул я головой и задал самый “смелый” вопрос: Как вас зовут? – Лида. А вас? Я назвался» [1, т.2, с. 187]. «Совпадение» Красноярска и Краснодара, естественно, условное, эмоциональное, оно могло возникнуть лишь в сознании уже симпатизирующих друг другу людей, а имя Лида оказывается своеобразным ключом к хранилищу самых заветных, укорененных изначально в сознании писателя чувств, поскольку оно свято для рассказчика-повествователя, сливающегося в этой повести с фигурой главного героя.

Значимость имени Лида для мира писателя, а через него и для его художественного мира явствует и из других фактов. Рассказывая о начале жизни в г. Чусовом, В. Астафьев пишет: «Здесь родились и выросли наши дети: дочь Ирина и сын Андрей, а первого ребенка, дочку Лидию, названную в честь моей мамы, мы потеряли» [2, с.5].

Известно, что с 1951 года Астафьев работает в газете «Чусовской рабочий». Журналисты не только провинциальных газет, и не только из-за немногочисленности штата сотрудников избирают себе псевдонимы. Наши собственные изыскания, как и поиски чусовского краеведа В.Н. Маслянки, свидетельствуют: «Время сохранило целую группу газетных псевдонимов, “похожих” на астафьевские: в них использованы варианты их создания на базе собственных имени-отчества, имени матери (или первой дочери <...> Таковы П.Витин, П.Викторов, В.Петров, В.Петровский, В.Лидин» [5, с. 5]. Как видим, **Лидин** – один из псевдонимов, избранных В. Астафьевым. Как представляется, о какой-либо «случайности» здесь не может быть и речи.

Может быть, с течением времени и имя Лида, и ситуации, где это имя фигурирует, потеряли для автора-повествователя сакральный окрас?

Повесть «Веселый солдат» (1998) создавалась и готовилась к печати в то время, когда В. Астафьев был предельно захвачен пафосом отрицания многих прежних ценностей. Изображение воровства и бездушия госпитальных и других тыловых начальников в этой повести оказывается едва ли не главной задачей повествования. Повесть в еще большей степени, чем «Звездопад», имеет автобиографическую основу, но полуромантическая любовная история Лиды и Мишки Ерофеева из «Звездопада» здесь вытеснена повествованием о бесчеловечности и животных страстях Хасюринского госпиталя. Присутствие там симпатичных «веселому солдату» «пани Марины», Лизы, Ани, даже открывшей ему радость познания женского естества Ольги и отдаленно не напоминает яркую любовно-романтическую фабулу «Звездопада». На фоне всеобщего разврата, разложения неуместной оказывается и любовная история, Лида-возлюбленная уходит в подтекст «Веселого солдата». Но как эпизод сакральный для автора-повествователя, пребывание в Краснодаре освещается им лаконичной скороговоркой: «маленький госпиталец с длинным витееватым названием, где лежало много контуженных, память и прошлое своё утративших, где четыре раз ложился я под наркоз на чистку кости и остался хоть со слабою, но своею рукой, где я пережил свою первую светлую любовь» [1, т. 13, с. 81]. Как явствует из контекста, именно этот эпизод

биографии писателя в свое время стал основой фабулы и образности «Звездопада». В 90-е годы Астафьев предпочитает не переосмыслить этот эпизод, а «свернуть» его, сделать его по сути предметом фигуры умолчания. Лиды-возлюбленной в повести просто нет. Смена стратегии повествования ведет к изменению во всех элементах структуры произведения, в том числе и в его антропонимии, а сакральное имя писатель старается не упоминать всеу.

Интересно, что в «Веселом солдате» при отсутствии Лиды-возлюбленной и Лидия-мать, и Лидия-дочь после увиденной рассказчиком-повествователем жертвы железнодорожного происшествия возвращаются в мир художника в виде навязчивых видений, «кошмарных снов»: «Я расталкиваю, нет, даже разбрасываю уже толпу любопытных и вижу там <...> Лидочку, в крохотном гробике, перееханном тяжелым литым колесом. Из щепья и тлелых лоскутьев, закутанная, бестелесная вроде бы, девочка, тянет ко мне ручки и силится что-то сказать. Зовет она меня, зовет, догадываюсь я, и рушусь перед нею на колени, пытаюсь обнять, схватить, прижать к груди дитя, но пустота, всякий раз пустота передо мною. Я просыпаюсь с мучительным стоном, с мокрыми глазами» [1, т.13, с. 234].

Мать «веселого солдата» предстает в еще более ужасном обличье: «Я начал видеть во сне совсем уж ошарашивающий кошмар, будто темной ночной порою, пробравшись на старое кладбище, раскопав могилу утопленницы-матери, рвал ее черную кожу и ел багрово-красное мясо...» [1, т. 13, с. 235]. Интересен комментарий «хирурга», последовавший за пересказом сна: « Это уже предел, заболевание мозга, последствия контузии» [1, т. 13, с. 234].

Объяснением этому «кошмару может служить и общественная ситуация времени действия повести – суровые послевоенные годы, когда «кошмаром была сама действительность» [1, т. 13, с. 234], и «кошмарное» время создания повести (1990-е годы), и, главным образом, возраст писателя. Время написания «Веселого солдата» отстоит совсем не далеко от того дня, когда В. Астафьев напишет: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье» [7, с. 3].

Реминисценции и аллюзии, связанные с гибелью Лидии Ильиничны Астафьевой, в виде деталей сюжета присутствуют во многих произведениях писателя. В мотиве внезапного потопления эти реминисценции оживают в «Перевале» (Илька и сплавщики живут в постоянном страхе перед гибелью в разбушевавшейся реке), в «Стародубе» (жизнь Култыша трижды ставится под угрозу гибели в реке), в «Краже» (семья Толи Мазова прибывает в Краесветск парохомом, которому угрожает крушение). В «Последнем поклоне», как и в «Царь-рыбе», все повествование связано с Енисеем – «спасителем и погубителем». Угрожающая апокалипсисом рыба «берш» является из вологодского водоема в астафьевском «Светопреставлении», в «поганой сточной канаве» утоплен Стрекач – главный злодей «Людочки». В последнем романе «великая река» отделяет живых от обреченных на смерть, становится рекой гибели и спасения. Автобиографическая деталь, связанная с гибелью его матери Лидии Ильиничны и дальнейшей судьбой писателя, оказывается основой или значимой деталью судеб героев практически всех произведений В. Астафьева.

Во внимании к имени, в привязанности к именам, деталям жизни и смерти своих близких людей живет стремление писателя осмыслить свою судьбу с позиций лирических – изнутри, как реализацию собственных потенций мысли и чувства, и эпически – в тесной связи с событиями истории, с судьбой собственного народа. Имя Лидия (Лидя) стало ключевым звеном, соединяющим биографию писателя с его творчеством. В художественных произведениях писателя имя Лидия выполняет функцию объекта симпатий автора и его героев. Его фонетические элементы выступают в роли звуковых маркеров, своеобразного камертона, по которым настраивается звучание имен его женских персонажей

Итак, сфера реалий, окружающих писателя, трансформируясь в сознании творца, превращается в элементы художественного мира (образов, поэтики, стиля и т.п.), лишь слегка приоткрывая завесы тайны словесного творчества, именуемую в технократической традиции «лабораторией писателя», а биографический метод, наряду с иными, при изучении образности и мотивной структуры литературных произведений подтверждает свою научную продуктивность и перспективность.

Список литературы:

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – 1998.
2. Астафьев В. Расскажу о себе сам // День и ночь. – 2004. - № 1 – 2 (42). – С. 3 – 7.
3. Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – 138 с.
4. Зубкова Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): Диссертация ... д-ра филол. наук. - Воронеж, 2009. - 406 с.
5. Маслянка В.Н. По следам «Веселого солдата». - Чусовой, 2014. - 192 с.
6. Петрачкова И.М. Мир имен в художественной прозе В.П. Астафьева // Вестник Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. - №4. (22). – 2001. – С. 59-64.
7. Последний поклон Виктору Астафьеву. Прощание / сост.: Т. Давыденко, В. Ярошевская. – Красноярск, 2002. – 171 с.
8. Смеляков Я.В. Собрание сочинений: в 3-х тт. - Т.1. – М.: Мол. гвардия, 1977. - 432 с.
9. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. - Л.: Прибой, 1929. – 596 с.
10. Флоренский П. А. Имена // Опыты: Литературно-философский ежегодник. - М.: Советский писатель, 1990. - С. 351 – 419.
11. Шеверина О.В. Номинационные ряды мужских персонажей в антропонимиконе В.П. Астафьева: социопрагматический аспект // Веснік БДУ. - Сер 4. - 2015. - № 2. - С. 69 – 73.